

УДК 82.09(470.47)

Римма Михайловна Ханинова

ЛИРИКА МИХАИЛА ХОНИНОВА

1937 – 1938 зз.

Литературный дебют Михаила Ванькаевича Хонинова (1919 — 1981) относится к 1935 г., когда в республиканской газете «Улан хальмг» было опубликовано его первое стихотворение «Адуч» («Табунщик»).

Из ранней лирики Михаила Хонинова нами обнаружены в республиканской печати 1930 — 1940-х гг. 25 стихотворений на калмыцком языке. Они опубликованы в разных изданиях — в газетах «Улан хальмг» («Красный калмык»), «Улан баһчуд» («Красная молодежь»), «Ленинэ ачнр» («Внучата Ленина»), в журнале «Улан туг» («Красное знамя»), а также в сборнике «Ленин — Сталин: хальмг дуд болн стихмүд» («Ленин — Сталин: калмыцкие песни и стихи»).

Эти произведения подписаны по-разному: Хоньна М. (21), Хоньна Мууда (1), красноармеец Хоньна М. (3). Мууда — домашнее имя Михаила Хонинова, так его называли в семье.

Часть стихотворений написана в Элисте: автор после окончания Калмыцкого техникума искусств в Астрахани работал в Калмыцком драматическом театре актером с 1936 по 1939 г., меньшая часть — в Забайкальском крае: служил в Красной армии с октября 1939 г. до лета 1941 г., когда началась Великая Отечественная война.

М. Хонинов. «Дээч марш» («Военный марш»). 1938 г.

М. Ханинов. 1938 г.

Большинство стихотворений относится к 1930-м гг., четыре стихотворения — к 1940 и 1941 гг.

Несколько стихотворений было напечатано в 1936 г. Одно стихотворение «Бовгадан Кичг» («Кичик Бовгадаев») посвящено орденоносцу-табунщику. Два стихотворения адресованы активу, в том числе делегатам II съезда Советов Калмыкии: «Комсомол», «Мана диилвр» («Наша победа»), два других стихотворения — актерам Калмыцкого

драматического театра в связи с его открытием в Элисте: «Бичкн наста актермуд...» («Молодые актеры...»), «Бидн, бичкн актермуд...» («Мы, молодые актеры...»). Эти произведения, таким образом, связаны с биографией и профессией автора: членством в комсомольской организации и работой в Калмыцком драматическом театре.

Тексты стихотворений разного объема, разбиты строфически на катрены, два из пяти произведений не имеют названия. Автор демонстри-

ezlz
mandlna,
xarsz
ogsna,
z
nə
rçz
ə.
revolycin hald
və bosla,
zild
lə.
nīlād
nə
ə.
əнь,
,

ДЭЭЧ МАРШ *Хоньна М.*

Mizən zahar өң:əxləнь
Manaxs endlgo вəгнə.
Prīev: cəklsn revolycin hald
Socializmin şivə bosla
Arvn nəəmdgç zild
Aldr cerg byrdlə.
Hazadın orna faşistnr
Hal tyymrt durta,
Cəldz undassn jamtnr
Dən uuxd zilvtə.
Dən mand kergo
Dəərxk uls əişvdn,
Dəaldxər manur dəvrklə
Dinrsn cəklh əkvdn.
Prīev: cəklsn revolycin hald
Socializmin şivə bosla,
Arvn nəəmdgç zild
Aldr cerg byrdlə.

ровал навыки калмыцкого стихосложения, обратившись к его традиционной особенности — единоначатию в виде анафоры и аллитерации. В основном он использовал парную анафору (АА / ББ).

Рассмотрим лирику М. Хонинова 1937 — 1938 гг.

К 1937 г. относятся пять стихотворений: «Сталинд» («Сталину»), «Өвгн теegt» («Старик в степи»), «Нөkd мана Сталин...» («Товарищ наш Сталин...»), «Ончта өдр» («Знаменательный день»), «Шота Руставелид» («Шота Руставели»). Все они связаны с определенными событиями — политическими и литературными.

Появление первых четырех стихотворений обусловлено принятием Конституции СССР — основного закона страны — 5 декабря 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Она получила название сталинской, поскольку создавалась под руководством И. В. Сталина, причем часть статей была написана им самим. После Конституции СССР 1924 г. новая Конституция широко обсуждалась в стране, строившей социалистическое государство. Не остались в стороне и писатели. Стихотворение комсомольца М. Хонинова «Сталинд» («Сталину») не было исключением. Автор прямо обращается к адресату, используя личное местоимение «ты» и снимая дистанцию между первым человеком в стране и народом, демонстрируя, таким образом, единение и единомыслие. По мнению молодого поэта, дорогой вождь Сталин, обеспечивший прекрасную жизнь, своим быстрым достойным умом создал великую Конституцию: «Элвг сээхн жирһлин / Эңкр көтлврч Сталин, / Ачта гүн ухаһарн / Алдр Конституц һарһвч»¹. Автор считал, что нет величественней советской страны, метафорически сравнил жизнь в ней с солнцем. «Нарт делкән аһуһар / Негнчн улмар алдршв, / Наласн советин нутгар / Нарн-жирһл дүркрв»². Другая метафора передавала, по мыс-

ли поэта, отношение советского народа к прославленному закону страны, действующему уже несколько месяцев: «Зурһадгч хүвднь, һазрин / Зөрмг Конституцн туурв, / Зун далн сай эмтнчн / Зүркндән шахж эңкрлв»³ («сто семьдесят миллионов людей любовно прижали к сердцу книжку Конституции»).

Как известно, не все единодушно приняли сталинский проект, но инакомыслие жестко подавлялось, оппозиция преследовалась и уничтожалась. Тем не менее автор стихотворения утверждал, что созданная умом Сталина новая конституция на вечные четыре времени года станет для всех путеводной: «Чини ухаһар чимгдсн / Чинртэ шин Конституц / Мөңкин дөрвн цагт / Мандан залмж болх!»⁴.

В четырех катренах стихотворения поэт придерживается традиционной анафоры. Все катрены имеют парную анафору. Так, в первом катрене парную анафору представляют в лексическом плане эпитеты (*элвг — эңкр, ачта — алдр*). В четвертом катрене есть парная анафора фонетического типа (*чини — чинртэ, мөңкинд — мандан*). Во втором катрене и третьем катрене наблюдаем сплошную аллитерацию в единоначатии строк соответственно на **н** и **з**. Во втором катрене аллитерация **н** распространяется и внутри строк: «Нарт делкән аһуһар / Негнчн улмар алдршв, / Наласн советин нутгар / Нарн-жирһл дүркрв». Здесь используются парная анафора синтаксического типа, а также рифма в перекрестной рифмовке (*аһуһар — нутгар, алдршв — дүркрв*). Рифма в перекрестной рифмовке видна и в третьем катрене (*һазрин — эмтнчн, туурв — эңкрлв*). Но в первом и четвертом катренах рифма не соблюдена.

Политическая лексика представлена в стихотворении партийным псевдонимом исторического деятеля И. В. Джугашвили-Сталин, историческим документом — Конституцией.

Наименование главного закона страны в тексте дано безэквивалентной лексемой, но с усечением русского окончания **-ия**, в калмыцком падеже: именительное *Конституц* и *Конституцн* (суффикс **-чн** указывает на принадлежность). Многочисленные эпитеты, метафоры, восклицательное утверждение с многоточием в конце стихотворения передали эмоциональные переживания лирического субъекта. Обращение к Сталину, организатору новой конституции, авторские размышления о роли вождя и принятии Основного закона в жизни страны подчеркивали создание характерной для 1930-х гг. сталинианы в художественной советской литературе.

О том, как степняки восприняли новый государственный документ, — стихотворение «Өвгн теegt» («Старик в степи»). Лирический субъект ранним утром встретился в степи со старым калмыком, пасущим скот. Разговор о новой счастливой жизни поддержан песней старика. Новая действительность входит в текст появлением в небе самолета, который сбросил на землю почтовую корреспонденцию, грамотностью старого скотовода, читающего в газете по складам слово «Конституция» и дающего наказ летчику скорее донести новости землякам. «„Кон-с-ти-туц!“ — гиж умшчкад, / Көгшә самолетур заһв. / — „Менд шулуһар йовад, / Манахст күргәд өг!“»⁵. Эмоциональный накал усилен с помощью трех восклицательных знаков. Сам же степняк развернул газету и торопливо стал читать текст конституции: «Иигж өвгн келчкәд, / Инәмсглж газетән делгв, / Көтлврч Сталинә билгсн / Конституц адһж умшв»⁶. Оставшись один в степи, старик воспроизвел звучание дробовой игры и в знак благодарности посвятил Сталину короткую песню: «Кеер өвгн һандарн / Амарн домбр цокв, / Амрг Сталинд ханж, / Ахр дууһан нерәдв»⁷. Уточнение о песне в стихотворении связано с классификацией калмыцких народных песен —

ут дун («протяжная песня») и ахр дун («короткая песня»). Отношение к Сталину автора и лирического субъекта (старика) передано характеристикой его деятельности и личности: *көтлврч* — «вождь», *билглсн Конституцу* — «Конституция как подарок», *амрг Сталин* — «товарищ Сталин», а также короткой песней-посвящением.

Пятнадцать катренов стихотворения организованы разными видами анафоры: полную анафору (АААА) наблюдаем в первом, третьем, седьмом и восьмом катренах. Например, в первом катрене: «Өрэн / Өр / Өмн / Өрэн»⁸. В остальных катренах — парная анафора (ААББ). Так, в четвертом катрене: «Һарад / Һээхж / Талвасн / Таалх»⁹. Исключением стал последний катрен, в котором анафора не соблюдена.

Новая лексика в стихотворении представлена такими словами, как «самолет», «газета», «Конституция», «вождь». Связь с национальной культурой указана фольклорным жанром, музыкальным инструментом: *ахр дун* — «короткая песня» (сочинение песни), *домбр* — «домбра» (домбровый наигрыш). У калмыков есть такие фольклорные жанры, как *йорял* — «благопожелание» и *магтал* — «восхваление». Автор же не выделил эти формы, ограничившись определением «ахр дун», но в контексте это, скорее всего, магтал.

Пейзажная зарисовка в стихотворении, с одной стороны, являет традиционную картину раннего утра — радостный полет жаворонка, восход солнца, утренняя звезда (Венера), с другой — тучные стада, табуны быстрых коней-аранзалов (*аранзал* — эпический конь). Все это призвано передать общее представление о счастливой новой жизни в калмыцкой степи.

Стихотворение «Өвгн теегт» переключается по теме со стихотворением «Нөкд мана Сталин...», напечатанным в том же номере. Оно состоит из

трех катренов, организованных парной анафорой, но без рифм, за исключением второго катрена, где есть перекрестная рифма (*саршң — мандлтха — усниң — налтха*). Здесь главный герой — шестидесятилетний чабан, который в степи поет песню (два первых катрена) во славу конституции. В песне старика товарищ Сталин сравнивается с солнцем («Нөкд мана Сталин / Нарн мет мандлна»), а данная сталинской конституцией прекрасная жизнь — с пятнадцатидневной луной: «Мандан өгсн Конституцнь / Маш сээхн жирһл / Арвн тавна саршң / Алдршгсн Конституц мандлтха»¹⁰. Эти сравнения передают картину мира степняков, для которых солнце — это жизнь, а пятнадцатидневная луна — символ красоты.

Стихотворение М. Хонинова под названием «Ончта өдр» («Знаменательный день») вызвано выборами в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. Оно было опубликовано среди газетных корреспонденций о том, как проходили эти выборы в республике: «Байрта өдр — декабрин 12 Лаганд» («Радостный день — 12 декабря в Лагани»), «Кезэ чигн маргдшго» («Никогда не забудется»), «Олн сунһачнрин күсл болгч ончта өдр — декабрин 12» («Мечта всех избирателей исполнилась в знаменательный день — 12 декабря»). Материалы этой газетной полосы «Улан баһчуд» вышли под общим заголовком, характерным для тех лет: «Хальмг республикин күч-көлсчнр СССР-н Верховн Советин Суңһврмудин өдриг маш ик өргмжтәһәр болн байртаһар тосцхав» («Трудящиеся Калмыцкой республики встретили день выборов в Верховный Совет СССР с большим воодушевлением и радостью»).

Молодой поэт подтвердил это торжество стихотворением в тот же день (судя по дате под газетным текстом). Свою причастность к выборам подчеркнул тем, что он, советский артист, держит в правой руке желанный бюллетень, напечатанный боль-

шевиками: «Большевиствск барар барлгдсн / Бахмжта суңһврин бюллетениг, / Би, советск артист, / Барун һартан атхжанав»¹¹. Важность момента и тайну голосования автор декларирует тем, что его бюллетень никогда не увидят заклятые враги, что никто не узнает, за кого он отдал свой тайный голос: «Мини һартк бюллетень / Муульта хортдт үзгдшго, / Нуувчинэр өгчэх дууһим / Негчн күн медшго»¹². В подробностях голосования (положил бюллетень в конверт, основательно подумал о трех кандидатурах большевиков) показана выборная процедура: «Бюллетенэн конвертдэн дүржэнэв, / Болһамжта кевэр ухалув, / Большевикүдт дууһан өгчэнэв — / Карпов, Озеркин, Изотовд»¹³. М. Хонинов, как и многие люди, участвовавшие в выборах, верил в тогдашнюю демократию и свободу, поэтому призвал молодежь: «Бюллетенэн һанцарн умшув, / Болд Сталинцнриг суңһур, / Бахтад эднэрн дуулв. / Баһчуд! Тадниг дуудув»¹⁴. Лексика стихотворения включает новые для степняков слова: *бюллетень*, *суңһвр* («выборы»), *большевиствск* («большевистский»), *ду* (в значении «голос выборщика»), *конверт*, *советск артист* («советский артист»).

Стихотворение состоит из четырех катренов, организованных разными видами анафоры: первый и четвертый катрен имеют полную анафору, аллитерацию на букву **б**, второй катрен — парную анафору, третий катрен — три строки имеют аллитерацию на букву **б**, а четвертая строка — на букву **к**. В стихотворении не соблюдена конечная рифма.

Восемнадцатилетним поэтом, впервые принимавшим участие в выборах, все происходившее воспринималось наивно. В выборах, по статистическим данным того времени, приняли участие 96,8 % избирателей, против коммунистов проголосовало менее 1 % избирателей. Сегодня эти первые парламентские выборы в СССР многие историки на-

зывают декоративными, потому что они были безальтернативными.

Грузинскому поэту XII в. адресовано пятое стихотворение М. Хонинова. В 1934 г. в Грузии приняли решение о подготовке к празднованию 750-летия со дня рождения великого поэта и о переводе его поэмы «Витязь в тигровой шкуре» на языки народов СССР. В 1930-е гг. эта поэма была переведена на русский язык К. Бальмонтом (1933), П. Петренко, Г. Цагарели и Ш. Нуцубидзе (1937). Поскольку перевод П. Петренко был издан в 1938 г., а Ш. Нуцубидзе — в 1941 г., то М. Хонинов в 1937 г., в год празднования юбилея, вероятно, мог познакомиться с неоднократно переизданным русским переводом К. Бальмонта.

Стихотворение М. Хонинова «Шота Руставелид» — прямое обращение к автору поэмы «Витязь в игровой шкуре». Поэт в первом же катрене назвал его великим грузинским поэтом, подчеркнул его принадлежность к литературе народов СССР притяжательным местоимением «наш», указал на причину появления произведения — прочитал книгу Руставели, которая не выходит из его памяти: «Алдр грузинск поэт, / Мана Шота Руставели, / Чини дегтричин умшув, / Чеежэсм төрүц һархш»¹⁵.

Хониновский текст имеет 7 строф с пятью катренами и двумя терцетами. В первом катрене автор не соблюдает ни анафору, ни рифму. Во втором катрене поэт прибегнул к перекрестной анафоре: в 1-й и 3-й строках — синтаксической (Чини кесн көдлмиши), во 2-й и 4-й строках — к неполной синтаксической (Советск — Советск). Здесь и перекрестная рифмовка (көдлмиши — меднә, көдлмиши — әңкрлнә) с повтором рифмы в 1-й и 3-й строках (көдлмиши). С помощью приема градации (от всесоюзного к автономному читателю) показано знание советскими гражданами главного труда Руставели, оцененного ими по достоинству. В третьем и

Дни калмыцкой литературы и искусства.
М. Хонинов в первом ряду третий слева. Москва, 1939 г.

четвертом терцетах первые строки начинаются уже с восклицательного обращения к грузинскому поэту: «Шота Руставели!». Там же выражается уверенность в бессмертии бесценной книги автора. В пятой строфе Хонинов использовал в 1-й и 3-й строках перекрестную анафору синтаксического вида (*Өргн советск нутгм* — «Великая советская страна»), перекрестную рифмовку (*нутгм* — *дуулжана*, *нутгм* — *санжана*) с тем же повтором рифмы в 1-й и 3-й строках (*нутгм*). Шестая строфа построена по тому же принципу: перекрестная анафора с неполной синтаксической конструкцией, с прямым обращением к поэту, с перекрестной рифмовкой и рифмой: «Шота Руставели, кезэнә / Күүнд тоолдго биләч, / Шота Руставели, ода / Кезәд чигн манлач»¹⁶. В этом катрене калмыцкий поэт, обращаясь к собрату по перу, выразил удовлетворение: несмотря на то, что тот не был оценен в свое время, теперь ему воздают заслуженные почести. Здесь переданы авторские размышления в контексте стихотворения: все истинное обычно подтверждается временем. Завершающий текст катрен в контекстуальном плане имеет тот же прием градации: от обращения к конкретному грузин-

скому поэту XII в. в первом катрене к советскому грузинскому народу в конце стихотворения: «Өнр советск грузинәхн, / Ончта эн өдрләтн / Сарул у теөгәсн / Стихән таанрт нерәд-жәнәв»¹⁷. Посвящая стихи из просторных калмыцких степей потомкам Руставели, Хонинов актуализировал время их написания: в эти знаменательные для грузин дни.

Обратим внимание на политическую лексику эпохи в стихотворении: «советские граждане», «советская Калмыкия», «советская страна», «советские грузины». Пиетет молодого калмыцкого поэта перед грузинским классиком проявился в неоднократном обращении к нему по имени и фамилии — Шота Руставели, в том числе с восклицательным знаком, но в то же время есть братская дистанция — в личном местоимении «ты», а также в сочетании — «твоя книга», «твой труд» и т. д. Эпитеты позволяют передать эмоциональный заряд произведения: *алдр* — «великий» (поэт), *өргн* — «высокий, возвышенный», *сарул у* — «широкие, просторные, бескрайние». Оценочный критерий дан через сравнение книги Руставели с золотом (*алтн үнтә*), метафора *чеежэсм төрүц һархш* («не выходит из ума, из души») по отноше-

нию к грузинской книге акцентирует воздействие поэмы на калмыцкого поэта.

Хонинов использовал русское слово «стихи» в калмыцких падежах и во множественном числе (стихэрчн, стихэн), что было характерно для калмыцкой поэзии 1930 — 1940-х гг. Так, в первой книге Д. Кугультинова в заглавии читаем калмыцкое слово *шүлгүд*: «Баһ насна шүлгүд» («Стихи юности»), а в стихотворении «Керм деер» («На пароходе») — уже русское слово «стихи» («Стихмүдэн чамд умшлав» — «Стихи тебе читал»)¹⁸.

К 1938 г. относятся три стихотворения М. Хонинова. Два из них написаны на военную тему, связанную с уходом старшего брата-артиста Лиджи в Красную армию. Первое стихотворение написано в жанре военного марша и названо «Дээч марш». Напечатано было 23 февраля — в праздничный день. Стихотворение состоит из трех строф по 8 строк и четырехстрочного куплета.

Для калмыцкой лирики 1920 — 1930-х гг. более характерен жанр военной песни, чем марш. Например, «Дээчрин дун» («Военная песня»), «Улан цеггэ дун» («Песня Красной армии»), «Кавалеристин дун» («Кавалерийская песня»)¹⁹. Авторы двух последних песен — поэты С. Эрдушев и Л. Инджиев.

Военный марш М. Хонинова также построен в основном на парной анафоре, за исключением последних четырех строк, которые имеют сплошную анафору. «Дэн манд керго, / Дээсрхк улс бишвдн, / Дээлдхэр манур дэврхлэ, / Диинрсн цоклһ өквдн»²⁰. Поэт заверяет, что нам не нужна война, мы не завоеватели, но напавшие на нас получают достойный отпор. В стихотворении автор придерживается перекрестной рифмовки с женской рифмой, чуть нарушив ее в конце. Здесь враг назван фашистом, а его агрессивность передана метафорически: «Һазадин орна фашистр /

М. Хонинов на коне в степи.
Начало 1970-х гг.

Һал түүмрт дурта...» («Зарубежные фашисты / любят пожар...»)²¹.

Отражение военной ситуации накануне Второй мировой войны, когда СССР был готов отразить нападение агрессора. Поэтому не случайны военные лозунги в калмыцкой лирике тех лет. Например, «Оньдин „белн болтн“» («Всегда „будь готов“») Г. Дамбинова, «Болх дээнд белдий!» («Готовься к будущей войне!») Б. Дорджиева²². Как отмечает исследователь М. А. Лиджиев, «обращение калмыцких поэтов к традициям народной песни и создание на их основе массовых калмыцких песен в 1920 — 1930-е гг. явились началом процесса жанрообразования и формирования авторской лирики песенного типа»²³.

Второе стихотворение М. Хонинова «Ахдан» («Старшему брату»), написанное в сентябре 1938 г., опубликовано 5 декабря того же года. Оно делится на три неравномерные строфы. В первой строфе слиты девять катренов, во второй — четыре, в третьей — пять. Несмотря на то, что конкретное имя старшего брата не указано в тексте, другая информация идентифицирует адресата:

служба на границе, участие в боях с самураями на Халхин-Голе и Хасане, возраст — двадцать один год. Из трех братьев автор был дружен с Лиджи, который тоже писал стихи и опубликовал в республиканской печати несколько текстов. Поэтому вначале младший брат пишет о том, что старается подобрать нужные слова, передавая горячий привет и пожать руку старшему брату: «Үзгэн ниилүлж босхад, / Үгэн сиилүлж чимэд, / Үнтэ ах, чамд / Зүркни халун мөнд!.. / Һарлцсн чини дүүнрчн / Һаран өгч мөндлжэн...»²⁴.

Он выражает уверенность, что тот будет надежно охранять государственную границу, чтобы ни один враг не прошел, как не прошли самураи, когда Красная армия пришла на помощь братской Монголии.

Во второй строфе автор призывает старшего брата не беречь сил, следовать приказам командира, гнать врага с родной земли. При этом он упоминает лезвие шашки, которой старший брат может рубить неприятеля, хотя тот не служил в кавалерии. И, если старшего брата настигнет вражеская пуля, младший брат готов заменить его: «Хортна хорта сумнд / Харһад одвчн, ардчн, / Ормицн сольх дүүчн / Оньдин белн, мөнд!..»²⁵.

Третья строфа продолжает авторскую мысль: младший брат не будет сожалеть о смерти старшего брата, отдавшего жизнь за родину. Он пойдет в Красную армию, не отступит от своего решения. И верит, что старший брат научит большевистской науке других, что он будет готов к будущей войне, повысит свое военное мастерство, станет настоящим воином.

В этом тексте поэт придерживается в основном парной анафоры с некоторыми отступлениями, рифмовка парная и перекрестная, рифма женская. Например, в конце стихотворения: «Большевизмэр сурһулян сурич, / Болх дээнд бедрич, / Дээно медрлэн гүүткич, / Дээч цеггч болич!»²⁶. Автор использует частые

восклицания, обращения (*ах, чи*), эпитеты (*унтэ, халун, шуурһта, киитн, халзу, хээртэ, хорта, эңкр, шүрүн, кучтэ, килмжтэ*), военную лексику (*Улан Церг, межсэ, дэн, дээч, өшэтнр, хортн, сумн, бу, командир, заквр, цергчнр, чашик*).

Третье стихотворение М. Хонинова 1938 г. «Мандан Сталин жирһтхэ» («Да здравствует Сталин») тематически перекликается со стихотворениями 1937 г. — «Өвгн теэгт», «Нөкд мана Сталин...», «Ончта өдр». Здесь та же картина огромной счастливой страны, живущей под мудрым руководством вождя Сталина и работающей на благо Отечества. Автор убежден, что нигде в мире нет такой жизни, нет такой силы у фашистов, которая сравнивалась бы с советской. «Нань иим жирһл / Нарта делкэд уга, / Манла эдл чидл / Махсг фашистнрт уга»²⁷. В этом стихотворении появляется новое политическое имя — народный комиссар внутренних дел СССР в 1936 — 1938 гг. Н. И. Ежов. Молодой поэт, прославляя имя наркома, непримиримого к врагам родины, не понимал тогда природу политических репрессий 1937 — 1938 гг., известных под названием «Большой террор». И заканчивает стихотворение здравицей И. В. Сталину, давшему народу конституцию: «Күмни хортыг ширгэжэх / Нарком Ежов тууртха, / Конституц харһж өгсн / Сталин оньдинд бээтхэ»²⁸. Соседство двух этих имен в конце текста и упоминание главного закона страны, с одной стороны, отражало общую официальную линию в политической жизни того времени, с другой — передавало заблуждения части интеллигенции, верившей сталинским лозунгам и мифам. В стихотворении нет деления на строфы и четкой структуры анафоры, в целом ориентирующейся на парную анафору, здесь также перекрестная рифмовка с женской рифмой.

Подводя итоги, отметим, что 5 стихотворений 1937 г. и 3 стихотворения

1938 г. М. Хонинова в республиканских газетах имеют много общего в тематике: политика, идеология, Конституция, выборы в Верховный Совет СССР, государственные деятели — Ленин, Сталин, Ежов, большевистская партия, Красная армия, защита Отечества, готовность к будущей войне, новая жизнь в калмыцкой степи. В этих произведениях отражена активная жизненная позиция автора. Стихотворение, посвященное юбилею грузинского классика Шота Руставели, подтверждает интерес поэта к инациональной литературе и ее переводам на русский язык. Заметно отсутствие любовной и пейзажной лирики в ранних стихотворениях М. Хонинова. Если такие стихи и были, то не сохранились из-за Великой Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943 — 1956).

Начинающий поэт осваивал азы художественного мастерства, ориентируясь на фольклорные традиции и на современную ему калмыцкую лирику. В жанровом отношении его стихи разнообразны: марш («Дээч марш»), посвящение («Сталинд», «Шота Руставелид», «Ахдан»), здравицы («Мандан Сталин жирһтхэ»), жанровая сценка («Өвгн теэгт»), песня («Нөкд мана Сталин...») и др. Поэт придерживался традиционной калмыцкой версификации, основанной на анафоре, преимущественно у него парной, аллитерации, часто использовал перекрестную рифмовку и женскую рифму. Художественно-образительные средства в его текстах передают национальный колорит (образ, метафора, сравнение, эпитет и т. п.). В этом плане ранняя лирика М. Хонинова отмечена синтезом традиций и новаций.

Поступила 09.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Хоньна М. Сталинд // Улан хальмг. 1937. Апрельн 7. X. 2.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Хоньна М. Өвгн теэгт // Улан хальмг. 1937. Августын 22. X. 2.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Хоньна М. «Нөкд мана Сталин...» // Улан хальмг. 1937. Августын 22. X. 2.
- ¹¹ Хоньна М. Ончта өдр // Улан баһчуд. 1937. Декабрин 13. X. 6.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Хоньна М. Шота Руставелид // Улан хальмг. 1937. Декабрин 29. X. 2.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Когалтин Д. Баһ насна шүлгүд. Элст, 1940. X. 65.
- ¹⁹ См.: Дуулич, теэгм, дуулич! Хальмг дуудин хураңһу. Элст, 1958. X. 157 — 158, 167 — 168, 183.
- ²⁰ Хоньна М. Дээч марш // Улан баһчуд. 1938. Февральн 23. X. 4.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Дуулич, теэгм, дуулич! X. 161 — 162, 163 — 164.
- ²³ Лиджиев М. А. Фольклорные традиции в калмыцкой поэзии (1920 — 1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. С. 14.
- ²⁴ Хоньна М. Ахдан // Ленинэ ачнр. 1938. Декабрин 5. X. 4.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Хоньна М. Мандан Сталин жирһтхэ // Улан баһчуд. 1938. 1 мая. X. 4.
- ²⁸ Там же.